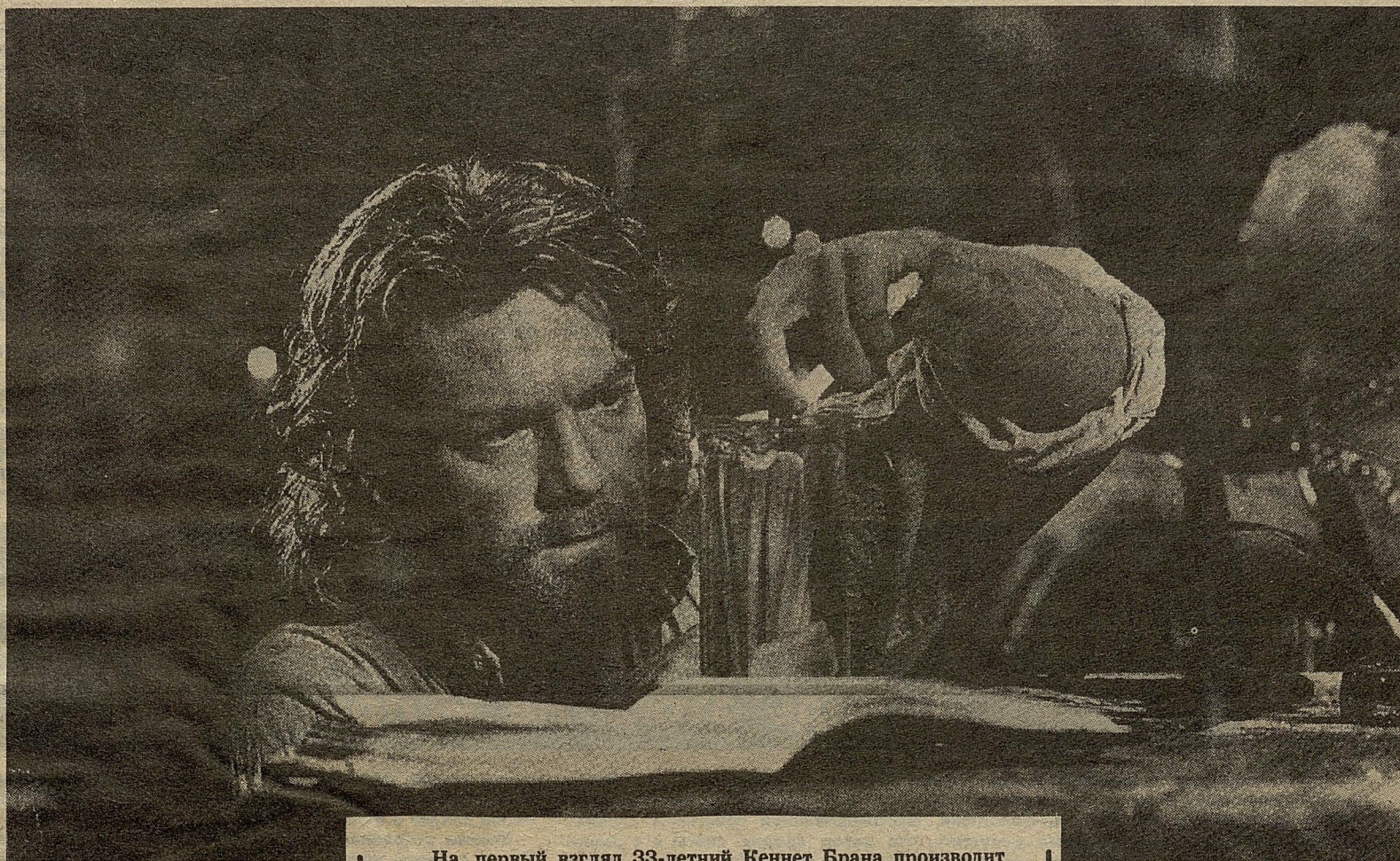

Так или иначе, это может сработать. Голливуд всегда клевал на мускулы, а не на мысли. А у Брана, несомненно, есть шанс стать суперменом-сердцеедом байронического склада.

Он позирует перед фотографом в роскошном ресторане, потягивает минеральную водичку и старается выглядеть оживленным и веселым. Но как только сеанс фотосъемок заканчивается, его энергия кажется иссякшей.

«Почему он позирует в профиль?» Похоже, вопрос его удивляет. «Неужели? Я не заметил». Он сообщает, что не курит и не выносит спиртного. Потом начинает рассказывать о постановке новой пьесы «Враг общества» в Ирландском культурном центре в Нью-Йорке — о молодом парне, который одержим личностью Джеймса Кенни, игравшего знаменитых гангстеров.

Видно, что моложавый мэтр устал. Всю неделю он работал с прессой, рассказывая о своих великих достижениях (выдвинутые на «Оскара» «Генрих V», «Много шума из ничего», «Снова мертв»), не очень великих достижениях («Друзья Питера») и о новой работе — «Франкенштейне Мэри Шелли». Он приходил в гости к Чарли Роузу, чтобы поучаствовать в шоу для высоколобых (поговорил об эффекте воздействия индустриальной революции на творчество Мэри Шелли) и развлекал низколобых в программе Дэвида Леттермана (изображал из себя дремлющего льва).

Не все отзывы о «Франкенштейне» были благоприятны, а в премьерный уикэнд фильм собрал всего 11 миллионов, что не может считаться удачей для продукции стоимостью 44 миллиона.

Но с другой стороны, сам принц Чарльз приехал в Лос-Анджелес на премьеру, где выразил благодарность за съемки в Великобритании, а не на голливудских студиях. Несомненно, это немного оживило английский кинопромышленность, и не исключено, что одним из последствий станет титул рыцаря для мистера Брана. Тем более, что Кеннет и Чарльз — близкие друзья.

На первый взгляд 33-летний Кеннет Брана производит сегодня впечатление типичного голливудца. Закончив работу над «Франкенштейном Мэри Шелли», фильмом, в котором он выступил в качестве постановщика и исполнителя главной роли, Брана стал частью рекламной кампании накануне выхода фильма в прокат. И почти во всех интервью он казался американцем — особенно когда начал рассказывать, как он совершает утренние пробежки и качает мускулы. Неужели это исходит из уст выпускника лондонской Королевской академии драматического искусства? Может быть, он настолько устал от сравнений с Лоуренсом Оливье, что предпочитает имитировать Брюса Уиллиса в «Бульварном чтении»?

торое невозможно было стряхнуть, от которого нельзя было сбежать — его можно было только сублимировать в образы».

Эмма — жена Брана, английская актриса Эмма Томпсон, лауреатка «Оскара» за фильм «Усадьба «Хоуардс энд». Хотя они часто работали в кино вме-

Между Шекспиром и Франкенштейном

Они познакомились, когда Брана попросил аудиенции у коронованной особы для более глубокого проникновения в психологию монарха при постановке «Генриха V».

Есть ли на свете человек, который лучше принца Чарльза понимает, что такое — быть принцем в наше время? К чести Брана, он искренне смеется, услышав этот вопрос: «Меня волновал не только он сам, но и та атмосфера, которая его окружает. Редкое чувство изолированности, одиночества. Именно это мне и хотелось ухватить в Генрихе V. Увидеть, что делает с человеком титул. Подозреваю, что только очень уравновешенный человек может сохранить рассудок, будучи принцем. Стоит тебе чихнуть, как об этом пишут книгу».

А теперь поговорим о его новом фильме — ведь он должен «продавать» его журналистам. «Франкенштейн» — это семейная трагедия, как в лучших пьесах Шекспира, — говорит Брана. — Мне слышатся в этой книге отголоски «Гамлета». Виктор Франкенштейн — обратная сторона личности «Гамлета». Вместо сотворения философии смерти и приготовления к ней, он сопротивляется естественному ходу вещей. Он заменяет интеллектуальные искания Гамлета физическими действиями. И тоже приходит к тупику».

Родившийся в Белфасте в семье каменщика и домохозяйки Брана вырос в Лондоне, и первый конфликт в его жизни был национальный. Затем пришли конфликты с карьерой: едва он утвердил свое имя в театре, как в нем возникло желание снимать. Играя Шекспира, он мечтал о ролях современников. А сейчас, став поликультурным вундеркиндом, он, похоже, мечтает о статусе Кевина Костнера для интеллектуалов.

«Люди считают, что у меня все расписано. Но я никогда не строил масштабных планов, просто старался жить так, как нравится. Ведь завтра любого из нас может сбить машина. Или упадет кирпич на голову. Впрочем, забудьте, это все чепуха, ирландская сентиментальность. Сейчас у меня нет никаких планов. Этот проект выжал меня до конца. Я занимался такими утомительными проблемами — одержимостью смертью, традиционным патетическим вопросом о смысле жизни. Конечно, смысл — в любви и понимании, но и здесь все так запутано».

Он делает паузу.

«Я устал, — признается, наконец, Брана. — Я сказал в фильме все, что мне хотелось, и теперь я просто чувствую облегчение от того, что это осталось позади. Я сказал Эмме — надо мной словно висело облако, ко-

сте, ее лучшие фильмы — как правило, те, которые она делала без мужа. Они отказываются давать «семейные интервью», чтобы их не считали «нагрузкой друг к другу», но сейчас Брана говорит: «Слава Богу, что у меня есть Эмма. Хорошо, что мы работаем в одном бизнесе. Важно иметь друга, который поймет и поддержит. У Эммы великая душа. Она умеет выводить меня из депрессии».

Последний вопрос. Его семья уехала из Белфаста, чтобы не сталкиваться с насилием, но из-за этого у Брана на всю жизнь сложился комплекс утраты родины. А кем он чувствует себя сейчас?

«Скорее ирландцем, чем англичанином. Мне кажется, что англичане более зажаты, я могу более аналитично подходить к английскому языку. Вот почему я не хочу, чтобы меня считали исключительно продолжателем шекспировских традиций. Ведь в этом случае я становлюсь английским культурным артефактом, а мне эта роль совершенно не подходит. Мои родители по-прежнему живут в Англии, но часто ездят в Ирландию. А я пока не знаю, есть ли на этом свете место, где я буду счастлив. Вернее, я пока его не нашел».

Алекс УИТЧЕЛ.
НЬЮ-ЙОРК.